

В миг, когда окутанная туманом голова исполинского дракона покатилась наземь, у всех очевидцев мороз пробежал по коже. То был чистый, первобытный ужас — животный инстинкт, заставивший содрогнуться саму их природу.

— Дадзай, очнись.

Подхватив Дадзая Осаму, чей силуэт показался из распадающейся плоти дракона, Годзё Акихара бесцеремонно встряхнул его в воздухе, словно порцию лапши в кипятке. Это сработало: припрятанное за щекой противоядие наконец проскользнуло Дадзаю в горло.

Юноша в белом костюме натужно закашлялся и выдавил слабым, прерывистым голосом:

— Босс, пощадите... Я же не лапша в лавке в Китайском квартале, чтобы меня так наяривать. Ещё пара таких взмахов, и вы меня точно доконаете.

Шутки шутками, а ядовитый клинок, вонзившийся ему в грудь незадолго до этого, всё ещё давал о себе знать — парень едва держался на ногах.

Убедившись, что подчинённый пришёл в себя, Акихара прекратил экзекуцию — калечить, а тем более случайно пришибить собственного сотрудника в его планы не входило.

Подхватив Дадзая поудобнее, он устремился к Мукуротори. Акихара ясно почувствовал: едва дракон прекратил своё существование, овеществлённая способность вновь соткалась под сводами полуразрушенного замка.

Однако приземлиться и отпустить Дадзая он не успел. Ему даже не пришлось искать Тацухико Сибусаву — безумная добыча сама ринулась навстречу хищнику.

Раздался глухой удар.

Акихара терпеть не мог, когда нарушали его личные границы. Одним мощным взмахом крыла он наотмашь снёс летящего на него Сибусаву, отшвырнув того добрых два десятка метров.

— И что он там бормочет?

Слух у Акихары был безупречный, но патетический, переходящий в истерический визг тон Сибусавы смазал все слова, превратив их в невнятную кашу.

Акихара аккуратно опустил Дадзая на землю. Смертельно бледное лицо юноши и его хрупкий вид внушали жалость — казалось, он вот-вот рассыплется стеклянными осколками. Впрочем, внешность бывала обманчивой.

— Изволит величать вас своим «светом», шеф, — с привычной издёвкой хмыкнул Дадзай. Слегка потрёпанный вид ничуть не мешал ему язвить в адрес неисправимого безумца.

А ведь Сибусава не лгал. В погоне за призрачным идеалом, за своим личным «ангелом», он уже успел расстаться с жизнью — по-настоящему, без дураков. Истинный творец, готовый сгореть дотла ради своего искусства.

Акихара скрытый смысл метафоры не уловил — столь тонкие нюансы человеческой психологии и абстрактных образов пока оставались за пределами его понимания. Покосившись на груды обломков, из-под которой Сибусава не спешил выбираться, он деловито поинтересовался у Дадзая:

— А этот парень способен постоянно оставаться в облике дракона?

Дадзай мгновенно уловил скрытый подтекст. Качнув головой в знак отрицания, он прищурился:

— С чего бы такой интерес, босс?

Судя по тому, с каким равнодушием Акихара только что припечатал Сибусаву к стене, судьба заносчивого эспера его нимало не волновала. И всё же этот странный вопрос об истинной форме...

Пока Дадзай лихорадочно сопоставлял факты, пытаясь просчитать мотивы начальника, Акихара равнодушно бросил:

— Не может — и ладно. Сатору хотел себе дракона в качестве домашнего питомца. Раз этот бракованный, я добуду ему другого.

И ведь ему даже в голову не пришло отказать младшему брату в столь абсурдном капризе. Потрясающее потворство.

Скользнув взглядом по Дадзаю, Акихара добавил:

— Но этот экземпляр теперь полностью в твоём распоряжении.

Дадзай не впервые сталкивался с безграничным, почти пугающим покровительством старшего Годзё, но каждый раз у него так и чесались руки заплодировать этой безрассудной братской любви.

Раздались неторопливые, издевательские хлопки.

Не удержавшись, Дадзай принялся шутовски кланяться. Игнорируя красноречивый взгляд босса, так и говоривший: «Ты совсем умом тронулся?», он расплылся в улыбке:

— Какая поразительная забота. Вы воистину идеальный старший брат. Думаю, если Сатору-куну взбредёт в голову изничтожить человечество, вы без колебаний встанете у него за спиной и будете подносить снаряды?

А то и вовсе устройте конец света лично, чтобы избавить любимого братишку от лишних хлопот.

Акихара прекрасно уловил издёвку, но тратить время на пустые препирательства и ядовитые шпильки не собирался. Его ответ был короток и практичен:

— Дадзай, с завтрашнего дня ты выходишь на сверхурочные. На две недели.

Глаза Дадзая округлились от возмущения:

— Это ещё за какие грехи?!

Наблюдая за тем, как из облака пыли медленно выбирается целёхонький Сибусава, Акихара безжалостно припечатал подчинённого:

— За введение в заблуждение относительно дракона и за создание лишних проблем руководству.

Сражение с Сибусавой не вызвало у Акихары и капли азарта — даже ленивая стычка с Накахарой Чуей принесла бы куда больше удовольствия. Взгляд багровых глаз Акихары лучился лишь холодным пренебрежением. Несмотря на схожий колорит — у обоих были пепельно-белые волосы и красные глаза, — их ауры различались кардинально.

Повсюду лежали руины, но величие Акихары сияло сквозь клубы пыли столь ослепительно, что Сибусава, прирождённый эстет и нарцисс, мгновенно возвёл своего победителя на недостижимый пьедестал. Не будь разница в силе столь сокрушительной — ведь даже его колоссальное драконье воплощение рассыпалось от одного щелчка пальцев, — Сибусава уже предвкушал бы, как убьёт это великолепное создание, дабы навеки запечатлеть его безупречную красоту.

— Какое совершенство... Какая неопишуемая грация...

Слыша восторженные вздохи и кожей ощущая этот лихорадочный, почти физически обжигающий взгляд, Акихара предпочёл бы попросту проигнорировать безумца. Но Дадзай, стоявший неподалёку, преувеличенно преданно захлопал ресницами.

* «Вы обещали мне»*, — беззвучно, одними губами напомнил Дадзай.

Память у Акихары была отличной, да и нарушать данное слово Владыка Демонов не любил. Слегка нахмурившись, он перевёл взгляд на замершего в благоговении эспера.

Природа здешних сил таила в себе немало загадок. То ли дело было в специфике эсперов, то ли в уникальности самого Сибусава, но его растерзанная душа буквально сплелась воедино с угасающей энергией способности, не позволяя ему окончательно кануть в небытие. Для взора Акихары он представлял кем-то вроде неупокоенного призрака, балансирующего на грани миров.

Тот смотрел на него сияющим взором верного пса... Нет, скорее уж ручного дракона. Акихара и не подозревал, что багровые глаза способны источать столь фанатичный, почти щенячий восторг.

Поскольку они с Сибусавой были примерно одного роста, Акихара просто протянул руку, намереваясь коснуться его лба, чтобы оценить состояние призрачной оболочки, а заодно озвучить условия трудоустройства.

Однако Сибусава истолковал этот жест по-своему. Стоило ладони Акихары замереть на уровне его подбородка, как безумец доверчиво склонил голову, прижимаясь щекой к его раскрытой ладони.

— Я нужен вам... Не так ли? — прошептал Сибусава.

Будучи существом нематериальным, он сохранил поразительно острый слух и прекрасно разобрал каждое слово, сказанное Акихарой Дадзаю после его сокрушительного падения. Суть уловлена безупречно: Владыка Демонов испытывал в нём потребность. И пусть его планировали отдать под начало этому невыносимому Дадзаю, сам факт того, что его существование признали полезным, наполнял душу трепетом.

С высоты своего величия Акихара бесстрастно взирал на склонённую перед ним белую макушку. Ощущая ладонью могильный холод, исходящий от призрачного эспера, он ровно произнёс:

— Я пообещал Дадзаю сделать тебя его личным помощником. Каков твой ответ?

Вопрос звучал как формальность, вежливое предложение выбора. Однако Акихара не терпел отказов — в случае малейшего сопротивления он бы просто подчинил упряма своей воле.

Наблюдая за этой сценой, Дадзай довольно прищурился. Этот заговорщицкий взгляд заставил Акихару осознать досадную деталь: останься Сибусава бесплотным духом, одно случайное касание Дадзая с его вечной «Исповедью неполноценного человека» мгновенно развеет

несчастливого по ветру.

Придётся вернуть его к жизни в полноценном теле. К счастью, душа эспера не успела развоплотиться, идеально отвечая всем требованиям высшей магии воскрешения.

— Моя жизнь принадлежит вам, повелитель... — благоговейно начал Сибусава.

Будучи призраком, Сибусава лишился человеческого тепла, уступив место хищным, первобытным инстинктам. В его глазах полыхали опасный голод и звериная покорность. Не дав ему закончить клятву верности, Акихара оборвал его на полуслове:

— Молчи и не двигайся. Сперва я верну тебя в мир живых.

Под их ногами вспыхнул сложнейший контур магического круга, наливаясь зловещим фиолетовым свечением. Концентрация первородной энергии мгновенно исказила пространство, взвихрив потоки холодного воздуха.

Плетение запретного заклинания требовало колоссальных затрат энергии. Чтобы восполнить резервы, Акихара частично принял свой истинный облик: за его спиной с глухим шорохом развернулись исполинские костяные крылья, а виски увенчали изогнутые демонические рога.

Для Сибусавы, чья жизнь была неразрывно связана с эстетикой упадка и высокими символами, это зрелище стало моментом чистого откровения.

— Демон... — выдохнул он, благоговейно смакуя звуки чужого языка.

Процесс стремительной регенерации плоти, собирающейся из праха вокруг его призрачного скелета, ничуть не заботил новоиспечённого мертвеца. Сибусава заврожённо созерцал величественные рога Владыки. Оказалось, его израненная душа всю жизнь стремилась вовсе не к чистому небу, а к бездонной, манящей тьме.

Акихара давно выработал стойкий иммунитет к чужому обожанию. Желая поскорее покончить с ритуалом, он крепко перехватил Сибусаву за подбородок, лишая возможности шевельнуться и сбить тонкую настройку заклęcia.

— Демон? Ошибаешься, — невозмутимо отозвался Акихара, лениво бросив взгляд на преображающегося эспера. Голос его звучал с привычным холодным высокомерием. — Я — Владыка Демонов.

Владыка великой Бездны. И путать эти понятия не следовало никому.

Как только сияние угасло, явив миру полностью восстановленное, живое тело Сибусавы,

Акихара безвозвратно разжал пальцы.

Вернувший человеческое естество эспер вновь обрёл привычный утончённый лоск. Исчезли звериные повадки, белоснежный костюм сидел безупречно, а на губах заиграла мягкая, едва заметная улыбка. Лишь во взоре, лишившемся дикого голода, теперь безраздельно властвовали фанатичная преданность и благоговейный экстаз.

— Мой вечный поиск завершён... И ангелы здесь ни при чём, — тихо произнёс Сибусава.

Акихара бесцельно оборвал его излияния, возвращая разговор в практическое русло:

— Так каков твой ответ на моё предложение?

Лишившись опоры в виде тёплой ладони Владыки, Сибусава почтительно склонился. Он бережно подхватил руку Акихары кончиками пальцев и, не дав тому отстраниться, коснулся губами кожи на тыльной стороне ладони.

— Для меня величайшая честь — служить вам. Позвольте мне стать вашим верным оружием.

Наблюдавший за этим Дадзай едва сдержал гримасу отвращения — от подобной приторной сентиментальности у него едва зубы не заныли. Впрочем, зрелище всё равно оставалось уморительным. Он уже потянулся во внутренний карман за телефоном, предвкушая отличный компромат, как вдруг его внимание привлёк чей-то стремительно приближающийся силуэт.

«Какое восхитительное совпадение, — мысленно усмехнулся Дадзай. — Спектакль обещает быть жарким».

Не теряя ни секунды, Дадзай навёл объектив камеры на парочку. Тем временем Сибусава продолжал расточать признания с пылкостью безнадёжно влюблённого поэта:

— Я стану вашим клинком, вашим самым преданным рыцарем. Мне не нужно наград — лишь позвольте мне греться в лучах вашего величия...

Акихара поморщился. Слушать этот пафосный бред не оставалось никаких сил. Напрягая пальцы, он уже собрался выдернуть руку и заставить эспера замолчать раз и навсегда.

Но стоило ему сделать движение, как окрестности огласил до боли знакомый, яростный крик.

— БРА-А-АТ!!!

Заметив ещё издали, что какой-то наглец распускает руки, Годзё Сатору мгновенно

переместился на поле боя. Услышав финал пламенной тирады Сибусавы, Шестиглазый буквально взлетел на воздух от ярости.

— Это ещё что за ублюдок у твоих ног?!

<http://bllate.org/book/19395/2004794>